

УДК 82-343

DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-1-12-38

### «Достоверность» и «вымысел» в формулах китайской волшебной сказки

Татьяна А. Власова

*Независимый исследователь, Москва, Россия,  
alohaooe@gmail.com*

*Аннотация.* Работа посвящена изучению специфических черт китайской волшебной сказки на примере ее традиционных формул. От «классической» волшебной сказки, описанной «формулой Проппа» и указателями системы Аарне – Томпсона, китайскую сказку отличает совершенно иной тип сказочного фантазирования. Это проявляется прежде всего в ее отношении к внетекстовой реальности (= действительности), напрямую влияющем на поэтику и стилистику жанра. В работе рассмотрены структура и содержательный состав инициальных и финальных формул как одних из наиболее важных маркеров жанра. При сопоставлении полученных результатов с выводами, которые сделал Н. Рошиану в своем исследовании традиционных формул румынских сказок, оказывается, что главная особенность китайских волшебных сказок – сильная привязка сказочных событий к реальной действительности, окружающей сказочника и его слушателей. В отличие от «классической» сказки, устройство которой полностью ориентировано на то, чтобы быть вымышленным повествованием, китайская сказка не стремится активно указывать на неопределенность и недостоверность описываемых в ней событий. Это наглядно иллюстрирует, как писал Б.Л. Рифтин, «приземленность» китайской сказочной фантастики.

*Ключевые слова:* фольклор, китайская волшебная сказка, инициальные формулы, финальные формулы

*Для цитирования:* Власова Т.А. «Достоверность» и «вымысел» в формулах китайской волшебной сказки // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021. Т. 4. № 1. С. 12–38. DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-1-12-38

## “Authenticity” and “fiction” in the formulas of a Chinese fairytale

Tatiana A. Vlasova

*Independent researcher, Moscow, Russia,  
alohaooe@gmail.com*

*Abstract.* The article is focused on studying the specific features of the Chinese fairytale on the example of its traditional formulas. Unlike the “classic” fairytale described by the “Propp formula” and the Aarne – Thompson system indexes, the Chinese fairytale is built upon the completely different type of the fairytale fantasy. That feature is manifesting primarily in its relation to non-textual reality (= reality), which directly affects the poetics and the style of the genre. The paper considers the structure and content of the initial and final formulas as one of the most important markers of the fairytale genre. When comparing the results obtained during the research with the conclusions drawn by N. Roshijanu in his study of traditional formulas of Romanian fairy tales, it turns out that the key feature of Chinese fairy tales is a strong binding to the fictional reality and the reality surrounding the storyteller and his listeners. In contrast with the “classic” fairytale which is built exclusively on the idea of being a fictional narrative, the Chinese fairytale does not insist on the uncertainty and non-authenticity of the events described in it. So that clearly illustrates, as B.L. Riftin wrote, the “earthiness” of Chinese fairytale fiction.

*Keywords:* folklore, Chinese fairytale, initial formulas, final formulas

*For citation:* Vlasova, T.A. (2021), “ ‘Authenticity’ and ‘fiction’ in the formulas of a Chinese fairytale”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 4, no. 1, pp. 12–38. DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-1-12-38

Волшебная сказка – давно и хорошо изученный фольклорный жанр. Речь идет о «классической» волшебной сказке, под которой в первую очередь подразумевается сказка по типу европейской, русской, ближневосточной, южноазиатской, описанная «формулой Проппа» и указателями системы Аарне – Томпсона. Волшебная сказка имеет свои узнаваемые жанрообразующие признаки, главный из которых – установка на вымысел, то есть «несбыточность» сказки. Именно это мы видим в традиционных формулах, где подчеркивается неопределенность сказочного времени и пространства. Их функция заключается в перенесении слушателей из мира действительности в мир фантастики и вымысла.

Теоретическое изучение китайской сказки началось не так давно, всего несколько десятков лет назад. Фольклористика в Китае стала развиваться довольно поздно и изолированно

от мировой науки, и многие китайские ученые только недавно начали открывать для себя классические методики исследования фольклора. Нет большого количества и зарубежных исследований, направленных на анализ структуры китайской волшебной сказки. В России первым к этой теме обратился Борис Львович Рифтин.

Основная трудность в работе с китайскими сказками заключается в том, что их тяжело отделить от других фольклорных жанров. Как видится, на это есть две основные причины.

Во-первых, существует неопределенность в терминологическая путаница внутри китайской системы классификации текстов. Нет четкой методологии разделения сказочной и несказочной прозы, а также деления на поджанры внутри этих больших групп. Это сильно осложняет работу с китайскими сборниками фольклорных текстов – *миньцзянь гуши* 民间故事 ('народные сказки').

Второй момент, мешающий узнаванию привычной волшебной сказки в китайских текстах, – это проступающие в тексте сильные типологические отличия сказки китайской от «классической» как на структурном, так и на стилистическом уровне. Особенно это проявляется в ином отношении сказки к действительности и вымыслу.

Помимо вышеперечисленного при работе с китайскими текстами всегда стоит учитывать специфику работы китайских фольклористов. Мы не можем безоговорочно полагаться на качество их записей и редактирования материала. Помимо того, что для публикации часто выбирают только идеологически «подходящие» варианты, так еще в самих текстах при редактировании могут быть обрезаны важные для сказки структурные и стилистические элементы.

В этой статье исследуется специфика китайской волшебной сказки на стилистическом уровне. Предметом исследования выбраны инициальные и финальные формулы как одни из самых ярких маркеров жанра.

Исследование опирается на метод структурно-типологического анализа. Ключевыми для описания традиционных формул стали такие работы, как «Традиционные формулы сказки» Н. Рошияну [Рошияну 1974] и «Стилистическая обрядность русской волшебной сказки» И.А. Разумовой [Разумова 1991].

Изучение китайской волшебной сказки проводилось на 66 текстах, найденных в сборниках *миньцзянь гуши* провинции Фуцзянь, а также в сборнике сказок Китая в переводе Б.Л. Рифтина. Стоит оговориться, что, учитывая все особенности публикуемых китайских текстов, а также их количество, статья преследует цель только наметить тенденции и направления для дальнейших исследований.

### Инициальные формулы

Проанализировав состав инициальных формул румынских и других сказок, Н. Рошияну выделил их наиболее общие структурные элементы: время, пространство, герой. Вместе они собираются в универсальную модель, характерную для сказок разных народов. Эта же модель наблюдается и в инициальных формулах китайских волшебных сказок. Чтобы схематически представить возможности комбинирования структурных элементов, обозначим (вслед за Н. Рошияну) элемент времени как Т, элемент пространства как S, элемент существования героя как E. Таким образом, тексты, которые легли в основу этого исследования, дают следующие варианты комбинирования основных составных частей инициальных формул (в скобках указано количество текстов, формулы которых соответствуют данной модели)<sup>1</sup>:

1. TE (36)
2. TSE (21)
3. SE (3)
4. E (4)

Самые стабильные элементы формул – элемент времени (Т) и элемент существования героя (Е). Их комбинация встречается наиболее часто, что подтверждает вывод Н. Рошияну о том, что «Е<sub>1</sub>Т<sub>1</sub> (глагол + наречие времени) является самой распространенной формулой в сказках многих, в особенности романских народов» [Рошияну 1974, с. 33]. На втором месте по частотности стоит та же комбинация, дополненная элементом пространства (S). Порядок элементов внутри формул может варьироваться (вместо времени на первом месте может стоять элемент пространства), но эти случаи не были выделены отдельно. Перечень возможных комбинаций показывает самые распространенные варианты с участием указанных выше элементов формул.

Элемент времени представлен в формулах такими устойчивыми выражениями, как:

- Цун цянь... (从前..... ‘В былые времена’);
- Ицянь... (以前..... ‘Раньше’);
- Цзао ши хоу... /Цзао нянь... (早时候...../早年..... ‘В давние времена’);
- Гу ши хоу... (古时候..... ‘В глубокой древности’);
- Хэнь цзю хэнь цзю и цянь... (很久很久以前..... ‘Давным-давно’);

---

<sup>1</sup> Хочется дополнительно заметить, что эти модели носят очень обобщенный характер и показывают только наличие универсальных морфологических элементов, о которых уже было сказано, без учета структурной и содержательной специфики инициальных формул китайской волшебной сказки. Об этом речь пойдет дальше.

- *Хэнь цзао хэнь цзао и цянь...* (很早很早以前..... ‘В очень далеком прошлом’);
- *Хэнь гу хэнь гу дэ ши хоу...* (很古很古的时候..... ‘В стародавние времена’).

Здесь наблюдается сходство с формулами классической волшебной сказки, действия которой происходят в неопределенном прошлом и не несут в себе ни малейшего намека на сколько-нибудь точную локализацию в историческом прошлом. Более подробно рассматривая заслуживающие элементы, локализирующие сказку в пространстве и повествующие о существовании героя (героев), так как именно в этом моменте начинает проступать своеобразие инициальных формул китайской волшебной сказки.

Классическая волшебная сказка намеренно отсылает не только к неопределенному времени, но и пространству, в то время как китайская сказка склонна твердо локализовывать место действия. Б.Л. Рифтин пишет: «Действие в них никогда не происходит в некотором царстве – тридесютом государстве, все необычное, наоборот, случается с героем рядом, в родных и знакомых сказочнику местах»<sup>2</sup>. Тексты, вошедшие в сборник Бориса Львовича, были записаны китайскими фольклористами в уезде Ишань провинции Шаньдун, поэтому сказочные сюжеты часто разворачиваются именно в этой местности. Аналогичная ситуация наблюдается в текстах, вошедших в сборники гуши провинции Фуцзянь. Это было обнаружено в 12 из 24 текстов (включая сборник Б.Л. Рифтина), содержащих элемент пространства во вступительной части.

Другая особенность заключается в степени детализации этого пространства, напрямую влияющей на структуру инициальных формул. Схематически эти особенности можно изобразить такими усложненными структурными моделями, как  $S_1 + TS_2E$  и  $S_1 + S_2E$ , где элемент пространства поделен на две разновидности:  $S_1$  – элемент, подробно описывающий макропространство, в которое, в свою очередь, помещен элемент  $S_2$  – микропространство, в котором локализуется дом героя<sup>3</sup>. Обратимся к примерам<sup>4</sup>.

<sup>2</sup> Рифтин Б.Л. Предисловие // Сказки Китая: Пер. с кит. Б.Л. Рифтина / Сост., предисл. Б.Л. Рифтин. М.: Художественная литература, 1993. С. 13.

<sup>3</sup> В приведенном в самом начале списке моделей, содержащих универсальные структурные элементы, эти формулы были рассмотрены как варианты формул со структурой TSE и SE. Несмотря на то что такой подход является довольно грубым, это было сделано специально, чтобы не путать читателя и постепенно раскрыть особенности китайских формул.

<sup>4</sup> Здесь и далее переводы текстов из сборников китайских сказок выполнены автором.

(1)

Там, где сливаются воды заливов Сайци и Гуаньцзин, стоит «Дворец Рыбного вана». Рыболовные суда, проходящие мимо, должны причалить ко дворцу, чтобы рыбаки поклонились и помолились Рыбному вану (S<sub>1</sub>).

Говорят, что в давние времена (Т) в маленькой рыбацкой деревушке на берегу залива Гуаньцзин (S<sub>2</sub>) жила одна бедная рыбацкая семья (Е). Всего имущества у них было – старая лодка, с помощью которой они и добывали себе пропитание<sup>5</sup>.

福安赛岐港水通向官井洋，那里有个“鱼大王宫”，讨鱼船只都要靠岸进宫给鱼大王烧香叩拜。传说早时候官井岸边一个小渔村，有一家贫苦渔民，靠一条破船捕鱼为生。

(2)

У подножья высокой горы протекает река. На этой стороне реки находится деревня Хэдун, на той стороне – деревня Хэси (S<sub>1</sub>).

В старые времена (Т) в деревне Хэдун (S<sub>2</sub>) жили два человека, одного звали Чжэншань, другого – Усинь (Е)<sup>6</sup>.

高山下有一条河。河这边是河东村，河那边是河西村。古时候，河东村有两个人，一个叫正善；一个叫无心。

(3)

В горах Дапэн, что находятся в уезде Юнчунь, есть горный пик, называемый Ху-аньшань. На его вершине есть очень глубокая Змеиная пещера. Поговаривают, когда-то нашлись смельчаки, которые спустились туда. На дне пещеры есть три дороги: самая близкая дорога ведет в округ, дорога подальше ведет к пути странствия небожителей, а самая дальняя дорога ведет в Цюаньчжоу. В этой пещере и жил жених-змей (S<sub>1</sub>).

В давние времена (Т) на вершине горы Ху-аньшань (S<sub>1</sub>) жила семья: собиратель навоза и три его дочери (Е)<sup>7</sup>.

---

<sup>5</sup> Чжунго гуши цзичэн · Фуцзянь цзюань · Фуань сяньфэнь цзюань 中国故事集成·福建卷·福安县分卷 [Сборник китайских сказок. Том Фуцзянь. Уезд Фуань] / Сост. Се Аньхэ 谢安和. Синганьцзихуа Дяньцзы Силе, 1989. С. 202.

<sup>6</sup> Чжунго минцзянь гуши цзичэн Фуцзянь цзюань 中国民间故事集成·福建卷 [Сборник китайских народных сказок. Том Фуцзянь] / Сост. Всекитайская ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы» и ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы. Том Фуцзянь». Пекин: Синьхуа шудянь, 1998. С. 546.

<sup>7</sup> Там же. С. 607.

永春县大鹏山有一个山峰叫湖安山，山顶有一个蛇洞很深。传说有一些大胆的人曾经下去，洞底有三条路，一条近的到州内，一条较远的到仙游，一条最远的到泉州，蛇郎君就住在这个洞里。早年湖安山顶住着一家人，一个猪屎公、三个女儿。

(4)

Есть в горах Ишань огромный водопад, издали посмотришь, кажется, будто вода прямо с синего неба падает. Сверкает серебром, искрит-ся бурлящий поток, в долину катится. А из долины течет в большой залив. Вода в заливе – старая тушь, черно-зеленая, глубина в нем – дна не разглядишь. А за заливом глубокое ущелье, тянется ущелье на несколько десятков ли, змеей вьется ( $S_1$ ).

В том месте, где оно пошире, деревушка стоит ( $S_2$ ). В той деревушке жил в старину ( $T$ ) бедный юноша по прозвищу Вань-шоу ( $E$ )<sup>8</sup>.

(5)

Есть в горах Ишань два места. Одно зовется Цзюлункоу – ущелье Девяти драконов, другое – Цилункоу – ущелье Семи драконов ( $S_1$ ). Так вот, около ущелья Девяти драконов стояла маленькая деревушка ( $S_2$ ), и жила в той деревушке старуха со своим единственным сыном, по прозвищу Тянь-тай ( $E$ )<sup>9</sup>.

Таким образом, можно наблюдать, что элемент  $S_1$  всегда предшествует простой связке элементов инициальной формулы. Наличие  $S_1$  модифицирует структуру формулы, усложняя ее, и влечет за собой обязательное появление элемента  $S_2$ , тем самым образуя неразрывную связь. Содержательно  $S_1$  всегда сложнее, чем  $S_2$ , так как значение этого элемента заключается в том, чтобы очертить и подробно описать границы реального пространства, внутри которого разворачиваются сказочные события, описать их исходную точку. Элемент  $S_1$  выступает в значительных вариантах, в то время как  $S_2$  – это чаще всего какая-либо деревушка.

Однако это не значит, что определение конкретного места действия происходит только при помощи элемента  $S_1$ , вынесенного за скобки простой инициальной формулы. В простых формулах со структурой TSE элемент  $S$  также часто носит очень определенный характер, но в отличие от  $S_1$  не предоставляет длинного и развернутого описания местности:

<sup>8</sup> Сказки Китая / Пер. с кит., сост., предисл. Б.Л. Рифтина. М.: Художественная литература, 1993. С. 86.

<sup>9</sup> Там же. С. 126–127.

(1)

Когда-то давно в глухих горах на границе Фуцзяня и Гуандуна находился одинокий маленький домик, в котором жили вдова средних лет со своим сыном 16-ти лет по имени А-у<sup>10</sup>.

从前,在闽粤交界的深山里,有一个独家小院,住着一个中年寡妇和她那十六七岁的儿子阿乌。

(2)

Когда-то в уезде Аньси, в област Хутоу, была деревушка, где жили брат с сестрой. Отец с матерью рано умерли, и жили они, полагаясь друг на друга<sup>11</sup>.

从前,安溪湖头有一个村子,住着一户人家,父母早亡,兄妹两人相依为命。

(3)

На востоке волости Юйфан есть деревня. Когда-то в ней жили только две семьи. Одна семья была по фамилии Чжан, другая – по фамилии Чжао<sup>12</sup>.

余坊有个东边村,从前只有两家人,一家姓张,一家姓赵。

При этом и в китайских сказках встречаются формулы, топографические элементы которых носят неопределенный характер. Зачастую речь идет о некой безымянной маленькой деревне, которая находится в отдалении, вблизи гор:

(1)

Некогда в одной горной деревушке жили два брата<sup>13</sup>.

从前,一个小山村里有一对兄弟。

---

<sup>10</sup> Чжунго минцзянь гуши цзичэн · Фуцзянь цзяоань 中国民间故事集成·福建卷 [Сборник китайских народных сказок. Том Фуцзянь] / Сост. Всекитайская ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы» и ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы. Том Фуцзянь». Пекин: Синьхуа шудянь, 1998. С. 540.

<sup>11</sup> Там же. С. 544.

<sup>12</sup> Там же. С. 555.

<sup>13</sup> Чжунго гуши цзичэн · Фуцзянь цзяоань · Фуань сяньфэнь цзяоань 中国故事集成·福建卷·福安县分卷 [Сборник китайских сказок. Том Фуцзянь. Уезд Фуань] / Сост. Се Аньхэ 谢安和. Синганьцзихуа Дяньцзы Силе, 1989. С. 295.

(2)

В древние времена в захолустной деревушке жил одинокий юноша<sup>14</sup>.  
古时候, 荒村里有个单身后生仔。

(3)

Говорят, что давным-давно в одной горной деревушке жил красивый юноша по имени Сяо Чэнцзы<sup>15</sup>.

相传在很久很久以前, 有一个小山村里住着一位英俊少年, 名叫小成子。

Подробной детализацией в китайских сказках также наделяется элемент Е – составная часть инициальной формулы, которая вводит в сказку основных или периферийных действующих лиц. Если мы говорим о степени развернутости экспликации персонажей в классической волшебной сказке (в качестве примера возьмем русскую традицию), то здесь описание героя (героев) предстает в достаточно редуцированном виде. Например, чтобы представить героя, его социальное положение, уровень жизни и т. д., русской сказке достаточно использовать одно или несколько слов, относящих его к высокому или низкому регистру (крестьянский сын, бедняк, вдова, царь-царица, старик-старуха). В Китае же эта область представления персонажа начинает детализироваться, обрастать дополнительными подробностями биографии.

(1)

В давние времена жил один человек по имени Чжун Фу. Отец умер, когда ему было 10 лет, и с самого детства он собирал хворост и менял на рис, чтобы прокормить себя и мать<sup>16</sup>.

古时候有一个人, 名叫钟福, 十岁死了父亲, 从小就靠砍柴换米, 维持母子二人家计。

(2)

Некогда в одной горной деревушке жили два брата. Старший был коварный и ленивый, а все деньги, что у него были, он промотал. Младший же был искренний и честный, работал по ночам, был не

<sup>14</sup> Чжунго минцзянь гуши цизхэн · Фуцзянь цзяюнь 中国民间故事集成·福建卷 [Сборник китайских народных сказок. Том Фуцзянь] / Сост. Всекитайская ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы» и ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы. Том Фуцзянь». Пекин: Синьхуа шудянь, 1998. С. 587.

<sup>15</sup> Там же. С. 588.

<sup>16</sup> Там же. С. 205.

женат и жил скромно. С накопленных денег купил корову и землю, потому жизнь его становилась все лучше и лучше<sup>17</sup>.

从前，一个小山村里有一对兄弟。老大为人奸诈，游手好闲，坐吃山空；老二呢，忠厚老实，夜当日作，单身一人，省吃俭用，攒下一点钱，买牛买地，生活越过越红火。

(3)

В былые времена жил Ван Лао-у. Был он человеком искренним и честным, работал в поле, разводил уток – тем и жил. И хотя за жизнь он ничего не скопил, жилось ему сносно. Вместе с женой прожили они больше 60 лет, а детей у них так и не было, потому они часто тяжело вздыхали<sup>18</sup>.

从前，有个王老五，为人十分忠厚老实，靠作田、养鸭为生，虽然没什么积蓄，日子却也还过得去。只是老两口都六十多岁了，膝下还没有儿子，夫妻俩常常为此唉声叹气。

(4)

...В той деревушке жил в старину бедный юноша по прозвищу Вань-шоу. Отец с матерью у него давно умерли, был один дядя, материн брат, да и тот в другой деревне жил. Юноша редко его навещал, только по праздникам. Нанялся Вань-шоу в чужую деревню пастухом коров пасти. Как уйдет в горы со стадом, так и живет там, только за едой с гор спускается. И не скучно ему без людей<sup>19</sup>.

Как можно видеть, в китайской волшебной сказке очень устойчивыми оказываются *элементы, определяющие социальное и семейное положение героев*. Так же как и «формулы отсутствия/наличия детей»<sup>20</sup>, они примыкают к элементу существования героев и вместе образуют очень частотную комбинацию. Здесь сказка может сообщить следующую информацию о герое:

---

<sup>17</sup> Там же. С. 295.

<sup>18</sup> Там же. С. 552.

<sup>19</sup> Сказки Китая... С. 86.

<sup>20</sup> О формулах отсутствия/наличия (в том числе детей) пишет Н.М. Герасимова в своей статье «Формулы русской волшебной сказки (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры)» [Герасимова 1978]. Она выделяет пять основных типов формул русской волшебной сказки: формулы существования, формулы наличия или отсутствия (детей, средств к существованию, здоровья и т. д.), формулы времени, топографические формулы, формулы недостоверности. Ее исследование опирается на работу Н. Рошьяну, однако то, что у Рошьяну называется морфологическими элементами, у Герасимовой названо формулами.

- 1) семейное положение / семейные обстоятельства (родители умерли, женат / не женат, одинокий);
- 2) семейный конфликт / отношения в семье;
- 3) способ зарабатывания на жизнь (сбор хвороста, старья, рыболовство, работа в поле, торговля тофу) и/или прямое указание на материальное положение (богач, большие земельные владения, бедняк).

Для установления частотности появления той или иной биографической детали в инициальной формуле обозначим элемент под номером один как F<sub>1</sub>, элемент под номером два – F<sub>2</sub>, элемент под номером три – F<sub>3</sub>.

Имеющийся материал показывает, что наиболее часто во вступительной части рассказывается, в каком материальном положении находится герой и/или чем он зарабатывает себе на жизнь. Элемент F<sub>3</sub> встретился в 35 текстах. Так как в большинстве сказок главный герой – это бедный деревенский юноша, круг его «профессиональных» возможностей оказывается довольно узким и типичным (чаще всего герой занимается тем, что собирает в горах хворост и обменивает его на пищу). Судя по всему, китайская действительность требует не простого указания на бедность персонажа, а более подробного представления тягот его жизни через описание изнурительного ежедневного труда, который максимум позволяет герою (и его семье) сводить концы с концами<sup>21</sup>.

Вторым по частотности является элемент F<sub>1</sub>, который включает в себя описание семейного положения героя (героев) или каких-либо иных обстоятельств, связанных с членами семьи, – он зафиксирован в 24 текстах. Здесь наиболее часто сообщается:

- о раннем уходе родителей, вследствие чего герой (два брата, брат с сестрой) остается совсем один;
- о смерти отца-кормильца семьи, после чего герой вынужден в одиночку обеспечивать себя и мать-вдову;
- о семейном положении (женат / не женат);
- о совместной или раздельной жизни двух братьев.

---

<sup>21</sup> Похоже, что эта специфическая черта может оказывать влияние на морфологию всей китайской волшебной сказки и выступать в качестве замены предварительного испытания героя. В проанализированных текстах герой-бедняк зачастую получает волшебное средство или помощь от дарителя без «проверки» с его стороны. Складывается впечатление, что герой автоматически проходит предварительное испытание в силу того, что всю жизнь до этого ему приходилось тяжело трудиться и проходить через множество трудных жизненных ситуаций. Но это лишь наблюдение, которое требует дальнейшего изучения.

Элемент  $F_2$ , рассказывающий о взаимоотношениях в семье, особенно о семейных конфликтах, встретился наименьшее количество раз – всего в пяти текстах. Это были следующие ситуации:

- братья делят имущество, доставшееся им в наследство от родителей (3 текста);
- у женщины нет детей, поэтому муж и свекровь над ней издеваются;
- муж женщины ушел за Великую стену, и она вынуждена терпеть издевательства от свекрови.

Если обратить внимание на встречающиеся комбинации этих элементов, то получится следующая картина: комбинация  $F_1F_3$  встречается в 16 текстах, все три элемента  $F_1F_2F_3$  – только в одном, а комбинация  $F_2F_3$  не встретилась ни разу. Чаще всего появляется только один из этих элементов, но в случае с  $F_1$  и  $F_3$  могут встречаться расширенные вступительные формулы, образованные за счет нанизывания элементов одного вида:

(1)

Некогда жили два брата. Они не боялись тяжелой работы и каждый день поднимались на гору, где обрабатывали землю и выращивали батат ( $F_3$ ), а когда делать им было больше нечего, то точили ножи ( $F_3$ ), рубили хворост и обменивали на масло и соль ( $F_3$ )<sup>22</sup>.

从前有对哥弟很肯吃苦，日日上山开荒种番薯，闲时就磨刀砍柴换油盐。

(2)

Жил-был Шиюнь, простой и честный собиратель хвороста. Родители рано умерли ( $F_1$ ), братьев и сестер тоже не было ( $F_1$ ), лишь он один-одинешенек ( $F_1$ ). Ему было уже за 30 лет, но он все еще не женился ( $F_1$ )<sup>23</sup>.

时运哥是个为人老实的柴夫。父母早死，也无兄弟姐妹，孤身一人，三十多岁尚未娶亲。

Отдельно можно также выделить элемент, описывающий образ жизни и личные качества персонажа (эти два аспекта являются взаимосвязанными: если герой трудолюбив и не ленится в работе, то он обязательно искренний и честный), иными словами –

---

<sup>22</sup> Чжунго минцзянь гуши цзичэн · Фуцзянь цзяюань 中国民间故事集成·福建卷 [Сборник китайских народных сказок. Том Фуцзянь] / Сост. Всекитайская ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы» и ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы. Том Фуцзянь». Пекин: Синьхуа шудянь, 1998. С. 562.

<sup>23</sup> Там же. С. 534.

*элемент качества героя.* В случае, когда этот элемент предстает в развернутой форме (не в виде определения к существительному: «скромный юноша» или «добродушная супружеская пара»), можно увидеть, что характер положительного персонажа китайской волшебной сказки раскрывается через его отношение к другим людям, его добродетельность, свидетельствующую о высокой нравственности героя (героев)<sup>24</sup>:

(1)

Жил-был холостяк по имени Цзинь Сишэн. Семья у него была бедная, и каждый день он зарабатывал на жизнь, продавая [соевый творог] тофу. И хотя прилавок у него был безобразный, сердце его было добрым. Всякий раз, когда у него появлялось немного денег, он отдавал их еще более бедным людям<sup>25</sup>.

金溪生是个单身汉，家庭很穷，每日卖豆腐度生。他的柜貌丑，但心脑好，只要有点余钱，总爱资助那些比他更穷的人。

(2)

Говорят, в очень далеком прошлом жила очень честная и доброжелательная супружеская пара. Семья их была очень богатая, поэтому они помогали и творили добрые дела для других жителей деревни, да только вот детей у них не было<sup>26</sup>.

相传很早很早以前，有一对忠厚老实、心地善良的夫妇。他们家财万贯，行善乡里，就是没有孩子。

Элементы, определяющие социальное и семейное положение героев, а также их качество, отдельно не выделялись исследователями классической волшебной сказки по той причине, что столь подробное описание положения и личности героя не является характерной чертой русской, европейской и других сказок, а потому описание качеств персонажа, если оно вообще присутствует во вступительной формуле, не способно получить статус отдельного элемента, примыкающего к элементу Е. К тому же, например, в русской сказке характеристика героя часто заложена в его имени и не требует дополнительных пояснений. Е.С. Новик пишет по

<sup>24</sup> Это релевантно и для отрицательных персонажей, чье отношение к людям отличается крайней недоброжелательностью (например, богачи).

<sup>25</sup> Чжунго минцзянь гуши цзичэн · Фуцзянь цзяюань 中国民间故事集成·福建卷 [Сборник китайских народных сказок. Том Фуцзянь] / Сост. Всекитайская ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы» и ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы. Том Фуцзянь». Пекин: Синьхуа шудянь, 1998. С. 574.

<sup>26</sup> Там же. С. 596.

этому поводу: «Обычно в наименовании фиксируется семейное положение персонажа (Иван девкин сын, Надзей попов внук и т. д.), его сословный, имущественный и профессиональный статус (Царенко, Поваренко, Иван Голый и пр.), его духовные (Незнайка, Иван-дурак, Василиса Премудрая и т. д.) и телесные качества (Красота Ненаглядная, Елена Прекрасная, Крошечка-Хаврошечка, Ванюша Недоросточек, Одноглазка и т. д.), а также признаки локальной принадлежности (Затрубник, Леший, Горыныч, Лесыня) и отнесенность к определенной стихии или цвету (Морозко, Водяной, Студенец, Вихрь, Чернушка и проч.)»<sup>27</sup>. Стоит заметить, что в некоторых случаях нечто подобное характерно и для китайских волшебных сказок, однако в основном наименования героев фиксируют их духовные или телесные качества. Например:

- старший брат по имени У-и 无义 (значение – ‘бесчувственный’) и младший брат по имени Юцин 有情 (дословно – ‘имеющий чувства, любовь’);
- два односельчанина: одного зовут Чжэншань 正善 (дословно – ‘истинная доброта’), другого зовут Усинь 无心 (значение – ‘бессердечный’);
- «Ветер в горах сильный, солнце жаркое. Потемнело у юноши лицо, залоснилось. И прозвали его люди Ван Черный – Ван Да-хэй»;
- семь братьев: старшего звали Чжуан-ши – Недюжинная Сила, второго Гуа-фэн – Задуй Ветер, третьего Те-хань – Железный Детина, четвертого Бу Па-жэ – Нипочем Жара, пятого Гаотуй – Длинная Нога, шестого Да-цзяо – Большая Ступня, седьмого Да-коу – Большой Рот.

Таким образом, можно показать, с помощью каких дополнительных элементов, примыкающих к элементу существования героя, происходит детализация сказочной экспозиции и раскрытие характеристик персонажей.

Теперь, когда более-менее подробно рассмотрена ситуация с элементами S и E, хотелось бы вернуться назад и вспомнить про сказочное время. Как уже говорилось, в большинстве случаев элемент времени в китайских волшебных сказках не отличается от классической волшебной сказки какими-то особенностями, точно так же относя ее действия в неопределенное прошлое и не подвергаясь какой-либо детализации. Однако и здесь, судя по всему, бывают исключения, наличие которых позволяет обратить внимание на присоединение к тексту китайской сказки этиологичес-

---

<sup>27</sup> Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки // Структура волшебной сказки: сб. статей / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2001. С. 129.

ких элементов. Обычно это характерно для финальных формул, поэтому подробнее этот вопрос будет рассмотрен позже. Как часть инициальной формулы этиологический элемент был зафиксирован только в одном тексте:

В древние времена не было круглых столов, только четырехугольные. В те времена не было также и проемов в форме тыквы-горлянки. Как они появились? Эта история произошла с Ю Пу, жителем уезда Чжэжун<sup>28</sup>.

古时候没有月桌，桌都是四角的，古时候也没有葫芦门，门都是长方形的。后来怎的有了呢？这事出在游朴身上。游朴是柘荣县人。

Речь все так же идет о прошедших временах без их точного определения, однако в этом случае элемент Т («В древние времена...») обрастает дополнительными подробностями, которые имеют этиологический характер. За счет этого возникает ситуация, согласно которой время является неопределенным и определенным одновременно или, как бы парадоксально это ни звучало, определенным внутри неопределенности. Какие древние времена? Ответ: когда не было круглых столов и дверей в форме тыквы-горлянки. После такого вступления слушатель получает немного больше информации о времени, к которому относится действие сказки, нежели от простого указания на «древние времена», но при этом все равно сохраняется основная смысловая установка – сказочные прошлые времена не имеют точной фиксации в историческом прошлом.

Конечно, этот случай в анализируемом материале единичный, и на данный момент нет возможности сказать, как часто этиология вписывается в инициальные формулы и как себя ведет в них, и потому нельзя судить о типичности такой формы. Однако я полагаю, что подобное явление можно рассматривать в связи с общей тенденцией китайских сказок к детализации и конкретизации сказочной экспозиции, а также к подчеркиванию достоверности описываемых событий.

Здесь время сказать о структурных элементах, определяющих характер вступительных формул, а также формирующих отношение слушателей ко всему сказочному повествованию. Н. Рошияну делит инициальные (а также финальные) формулы на два типа. Первый тип указывает на *достоверность* сказочных событий,

<sup>28</sup> Чжунго гуши цзичэн · Фуцзянь цзюань · Фуань сяньфэнь цзюань 中国故事集成·福建卷·福安县分卷 [Сборник китайских сказок. Том Фуцзянь. Уезд Фуань] / Сост. Се Аньхэ 谢安和. Синганьцзихуа Дяньцзы Силе, 1989. С. 335.

а второй, напротив – на *нереальность* того, что будет рассказано (или уже рассказано, если это финальные формулы).

Элементы Т, S, Е сами по себе имеют утвердительный характер, но помимо них исследователь выделяет еще один элемент, функция которого заключается в том, чтобы подчеркнуть подлинность, достоверность повествования. Исследование Рошияну показало, что этот элемент имеет большое распространение в румынских сказках, он «содержит логическую дедукцию: “кабы не было, не рассказывали бы”, составляя своего рода аргумент правдивости тех “событий”, о которых будет рассказано» [Рошияну 1974, с. 21]. Ученый замечает также, что в сказках других народов могут приводиться и другие «аргументы», но и они, как правило, входят в состав финальной формулы.

Другой противоположный по характеру элемент инициальной формулы наоборот отрицает достоверность сказочного повествования. В сказках разных народов он может принимать различные формы и предстать в виде отрицания – прямого или косвенного, метафоричного. В румынских сказках, как показывает Рошияну, этот элемент ««определяет» время, к которому относится действие сказки, и в результате этого утверждение первой части формулы отрицается “описанием” логически невозможного времени. Талантливый сказочник вводит этот новый аспект в формулу не прямо, а косвенно, метафорически, применяя своего рода “формулу невозможного»» [Рошияну 1974, с. 27]. Несмотря на большое разнообразие инициальных формул в сказках разных народов, ученый констатирует, что данный элемент вместе с Е, Т, S является *общим* для многих традиций.

На этом фоне становится заметно еще одно отличие инициальных формул китайской волшебной сказки от классической сказки: этим формулам совершенно не характерно наличие элемента недостоверности.

Как правило, функция инициальных формул именно волшебных сказок заключается не столько в том, чтобы датировать и локализовать действие сказки, сколько в том, чтобы создать определенную атмосферу для слушателей. «Именно волшебная сказка требует таких начал, которые настраивали бы слушателя на особый лад, отрывали бы его от обыденной обстановки и приобщали к особой ирреальной атмосфере волшебной сказки» [Рошияну 1974, с. 40]. В создании такой атмосферы особенно важную роль играют элементы, подчеркивающие фантастичность сказочного повествования, а также неопределенность времени и пространства.

Китайский сказочник, как показывает мой материал, наоборот, не стремится погрузить слушателя в ирреальную атмосферу,

не пытается оторвать его от реалий обыденной жизни. По большей части за счет элемента пространства, локализирующего действия сказки в определенной точке на карте Китая, описываемые события приобретают оттенок достоверности. На это также работает элемент существования героя и примыкающие к нему части инициальной формулы, отражающие реальный быт китайского общества. По сути, уже привычные нам элементы S и E выполняют функцию не обнаруженного в текстах 66 сказок элемента достоверности. Такая особенность инициальных формул, заключающаяся в установке на достоверность, отсылает нас к другим жанрам несказочной прозы, в первую очередь к легендам.

Во введении к указателю типов китайских сказок В. Эберхард писал, что понятие «сказка» помимо самих сказочных повествований включает также легенду, басню, а иногда также анекдот и рассказ. Объяснение этому он видит в жанровой особенности китайской сказки: один мотив в ней может быть чрезвычайно постоянен и жизнеспособен, однако цепочки мотивов (то есть сказки целиком) сравнительно неустойчивы. Те же мотивы, что встречаются в сказках, могут также встретиться в легендах и преданиях, в анекдотах и других жанровых формах. Отделить сказку от других жанров и рассматривать ее в узком смысле все равно что «отрезать ей конечности и взять только туловище»<sup>29</sup>. Его наблюдения позволяют говорить о связи сказки и легенды на мотивном уровне. В моем случае речь идет об уровне стилистическом, однако, кажется, и здесь имеет смысл рассматривать эти два жанра вместе, сравнивая их друг с другом.

Хочется вспомнить также исследование К.В. Чистова, посвященное русским социально-утопическим легендам. В нем он пишет о роли вымысла в сказке и легенде. Если для сказки вымысел – это один из основных, признанных художественных приемов, то в легенде вымысел «появляется, как правило, в связи со стремлением объяснить непонятные факты действительности или, что еще важнее, *дополнить действительность желаемым*. <...> Вымышленное воспринимается как достоверное и равноценное действительности»<sup>30</sup> (курсив мой. – Т. В.). Далее Чистов пишет о том, что среди проанализированных им социально-утопических легенд были тексты, в которых «действительность причудливым образом переплетается с вымыслом или, наоборот, где *вымышлен-*

<sup>29</sup> Eberhard W. Typen Chinesischer Volksmärchen // FF Communications. 1937. № 120. P. 4.

<sup>30</sup> Чистов К.В. Русская народная утопия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 16.

*ные сюжеты легко включают в себя исторические факты, причем и те и другие становятся совершенно равноценными составными частями легенды»<sup>31</sup> (курсив мой. – Т. В.).*

Не исключено, что приурочивание сюжетов китайских волшебных сказок к реальной, знакомой сказочнику местности имеет то же основание, что и смешение вымысла и настоящего в легендах – стремление дополнить действительность желаемым. Этот прием позволяет расцветивать обыденность, наполнять ее красочными фантастическими сюжетами, которые могли и не восприниматься как нереальные по той причине, что мир китайской волшебной сказки очень тесно связан с реальной китайской действительностью, сказочная фантастика тут не безудержная, а вполне «приземленная», мифология в сказке имеет прямое отношение к актуальным верованиям. И хотя на данный момент нет возможности разобраться в том, какое на самом деле отношение к сказке формировал сказочник у своих слушателей, используя определенные инициальные формулы, и могла ли она восприниматься ими в какой-либо мере как правдивый рассказ, однако это все равно позволяет поднять вопрос о взаимосвязи китайских сказок и легенд, а также о специфике установки на достоверность/недостоверность, так как в этом моменте далеко не все так прозрачно и очевидно, как в классической сказке.

Итак, универсальной чертой в структуре и содержательном составе инициальных формул китайской волшебной сказки является наличие в них стабильных, общих для многих народов элементов времени, пространства и существования героя. Национальное своеобразие же вступительной части проявляется в следующем:

1. В отличие от классической сказки, где время и пространство имеют неопределенный характер, сюжеты китайских волшебных сказок часто приурочиваются к реально существующей местности, знакомой сказочнику и его слушателям.

2. Вступительные формулы в китайской традиции включают более детализированную характеристику пространства и особенно экспликацию героя, что напрямую влияет на саму формульную структуру, а также на количество элементов, которые способны варьироваться.

3. Усложненную формулу, включающую расширенное представление пространства, схематично можно описать с помощью дробления элемента S на два подвида: S<sub>1</sub> – описание макространства, предшествующее основной связке элементов TS<sub>2</sub>E или S<sub>2</sub>E, и S<sub>2</sub> – описание микропространства, в котором проживает герой (герои).

---

<sup>31</sup> Там же.

4. Экспликация персонажей происходит за счет введения таких дополнительных элементов, которые:

- определяют социальное и семейное положение героев;
- описывают образ жизни и личные качества героев;
- указывают на наличие/отсутствие детей.

5. Инициальные формулы китайской волшебной сказки обладают ярко выраженной вариативностью и пластичностью, постоянно предстают в разных «обличьях» как на структурном, так и на содержательном уровне. У одних и тех же элементов общая только суть, а устойчивых словесных конструкций крайне мало. В связи с этим возникают сложности в установлении границ элементов и формул целиком.

6. Вступительная часть китайской сказки не знает отдельных элементов, которые бы указывали на характер формулы (утвердительный или отрицательный).

7. Элемент недостоверности – очень типичный для классической волшебной сказки, способствующий восприятию сказки как вымышленного повествования, не встретился в китайских текстах.

8. Точно локализуя сказочные события в пространстве и не имея элементов, подчеркивающих их недостоверность, вступительные формулы китайской сказки, таким образом, не выполняют базовой для классической волшебной сказки функции – введение слушателя в сказочный мир, отделение его от мира реального и обыденного.

### *Финальные формулы*

Наряду с инициальными формулами, не меньшее значение придается исследованию финальных формул как одних из самых важных жанрообразующих признаков волшебной сказки. Н.М. Герасимова, например, на материале русских сказок выделила следующие типы финальных формул [Герасимова 1978, с. 25]:

1. *Финальные формулы существования героев.* Эти формулы аналогичны формулам начала сказки: «стали жить-поживать», «стали жить да быть». К этому же типу Герасимова относит *формулы дальнейшего бытия героев*: «и теперь живут», «до сих пор живут», «и зажили припеваючи».
2. *Формулы, акцентирующие момент окончания рассказывания сказки.*
3. *Формулы «вознаграждения» сказочнику.*
4. *Формулы пир<sup>32</sup>.*

---

<sup>32</sup> Структурные элементы этой формулы, сообщающей о присутствии (участии) сказочника на пиру, были выделены Н. Рошияну. Для румынских сказок это основной тип финальных формул.

Подобную классификацию трудно применить к концовкам китайских волшебных сказок. Мой материал полностью исключает все вышеуказанные финальные формулы, кроме формулы существования героя, однако и здесь не все так просто, а потому требуется более подробное дальнейшее рассмотрение.

Наиболее подходящими для анализа китайских вариантов формул оказались результаты исследования финальных формул Г.Р. Хусаиновой на материале башкирских волшебных сказок [Хусаинова 2000, с. 20]. Исследовательница в первую очередь исходит из того, что разделяет формулы по степени их соотношения с конкретным сюжетным содержанием сказки. По этому критерию она делит финальные формулы на две категории: 1) сюжетно-завершающие формулы; 2) «послесюжетные» формулы. В первом случае финальные формулы тесно связаны с контекстом сказки, а во втором – не зависят от конкретного сюжета, являясь устойчивыми фразами, которые прибавляются к сказке. При этом каждая категория включает в себе еще несколько типовых разновидностей. Рассмотрим их.

### 1. Сюжетно-завершающие формулы

#### 1.1. Формулы завершения сюжета

#### 1.2. Формулы о продолжении жизни героев после всего произошедшего (живут и поныне)

#### 1.3. Этиологические формулы и другие последствия

#### 1.4. «Концовки-сентенции»

### 2. «Послесюжетные» формулы

#### 2.1. Формулы, сообщающие о том, что сказочник был в гостях у персонажей повествования

#### 2.2. Формулы пира

#### 2.3. Другие специфические, единичные формулы

Для начала стоит подчеркнуть, что глобальное разделение на сюжетно-завершающие и «послесюжетные» формулы напрашивается и при анализе финальных формул китайских волшебных сказок, однако оно нуждается в некоторой корректировке. Что касается разновидностей формул первой категории, то здесь наблюдается явное сходство с Китаем за исключением того, что в моем материале ни разу не встретились формулы, сообщающие о жизни главных героев и по сей день, поэтому я затрудняюсь говорить об их наличии или отсутствии, но маловероятно, что они являются очень распространенными. «Послесюжетные» формулы, представляющие вторую категорию, включают в себя типовые фразы, которые примыкают к сказке вне зависимости от ее содержания и, как правило, строятся от первого лица [Хусаинова 2000, с. 20]. Перечисленные варианты пересекаются с тем, что описывали Н. Рошияну и Н.М. Герасимова, однако ни

в одном китайском тексте личность сказочника не фигурировала в качестве участника пира или гостя у главных героев. К «последне-сюжетным» формулам я буду относить те концовки, которые связывают рассказанную историю и «реальный» мир, но не так, как это делают этиологические формулы. Подробнее об этом будет сказано немного позже.

Руководствуясь такой аналитической моделью, я начну с рассмотрения финальных формул, относящихся к первой категории.

*Формулы завершения сюжета* выполняют «подытоживающую» роль. В них сообщается «о возвращении героя домой, наказании виновных, устройстве свадьбы, награждении верных и других завершающих событиях» [Хусаинова 2000, с. 20], а также, дополню, о рождении детей, о получении нового статуса (начальник уезда, император), о возвращении герою его ранее отобранных благ, об исправлении отрицательного героя. Эта разновидность сказочных концовок встречается наиболее часто – всего в 53 текстах.

(1)

Через 10 месяцев после возвращения во дворец дочь Лун-вана родила сына и послала его вместе с горным духом и духом земли в уездную управу. Чжун Фу стал главой уезда, любил народ, как своих детей, и сделал для него много хорошего<sup>33</sup>.

龙女回到龙宫十个月后生下一子，派山神土地送入县衙。钟福做了知县，爱民如子，为民办了许多好事。

(2)

Каменщик велел Фань Даню взять дочь с собой и наказал вернуться домой, сыграть свадьбу и жить счастливо<sup>34</sup>.

石人叫范丹带着姑娘上路，让他们高高兴兴回家成亲去了。

(3)

Вот так злобный Усинь был навечно похоронен в древнем колодце<sup>35</sup>.  
坏心肠的无心，就这样永远被埋在古井中了。

<sup>33</sup> Чжунго гуши цзичэн · Фуцзянь цзюань · Фуань сяньфэнь цзюань 中国故事集成·福建卷·福安县分卷 [Сборник китайских сказок. Том Фуцзянь. Уезд Фуань] / Сост. Се Аньхэ 谢安和. Синганьцзихуа Дяньцзы Силе, 1989. С. 208.

<sup>34</sup> Чжунго минцзянь гуши цзичэн · Фуцзянь цзюань 中国民间故事集成·福建卷 [Сборник китайских народных сказок. Том Фуцзянь] / Сост. Всекитайская ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы» и ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы. Том Фуцзянь». Пекин: Синьхуа шудянь, 1998. С. 534.

<sup>35</sup> Там же. С. 550.

(4)

Чаша неиссякаемых сокровищ вернулась в руки к Чэнь Фаньцину. Люди не знали секрета чаши, потому забрали только серебро, а чашу трогать не стали<sup>36</sup>.

聚宝盆又回到了陈凡清手中。因为人们只抢银子，不知这个盆子的奥妙，没把它拿走。

Формулы, содержащие этиологию и другие последствия сказочных событий. В них говорится о происхождении наименований животных и птиц, их особенностей, рек, традиций, специфических для культуры предметов, пословиц и др. Такие формулы встретились всего в 15 текстах.

(1)

С тех пор все змеи при виде бамбука сразу быстро уползали. По сей день змеи до сих пор боятся бамбука<sup>37</sup>.

后来，所有的蛇看见竹也就赶快避开了，直至现在蛇还是怕竹的。

(2)

Так и появилась пословица «Если на то есть судьба, то встретятся вопреки большому расхождению, если не судьба, то и сидя друг против друга, не познакомятся»<sup>38</sup>.

这就是“有缘千里来相会，无缘对面不相逢”的俗语的来源。

(3)

С тех пор дверные проемы в форме тыквы-горлянки и круглые столы стали очень распространены в народе<sup>39</sup>.

从此，葫芦门和月桌就在民间流传下来了。

(4)

Сколько месяцев прошло, сколько лет миновало, а она все летает и кричит. Жалко людям птичку, и прозвали они ее Чжаогу – ишу сестру<sup>40</sup>!

---

<sup>36</sup> Там же. С. 569.

<sup>37</sup> Там же. С. 610.

<sup>38</sup> Там же. С. 568.

<sup>39</sup> Чжунго гуши цзичэн · Фуцзянь цзюань · Фуань сяньфэнь цзюань 中国故事集成 · 福建卷 · 福安县分卷 [Сборник китайских сказок. Том Фуцзянь. Уезд Фуань] / Сост. Се Аньхэ 谢安和. Синганьцзихуа Дяньцзы Силе, 1989. С. 337.

<sup>40</sup> Имеется в виду «прозвище» кукушки. См.: Сказки Китая... С. 64.

*Концовки-сентенции* имеют вид пословиц или заключительных слов нравоучительного характера. В материале их встретилось наименьшее количество – всего в 4-х текстах.

(1)

Обладая добрым сердцем, Мэнчунь помог лягушке и потому получил семейное богатство и жену. Это именно то, о чем говорили предки: «Сделал плохое дело – получил возмездие, сделал хорошее – получил воздаяние за добрые дела»<sup>41</sup>.

猛春好心救蛤蟆得了家财和老婆，这当真应了古人说的“恶有恶报，善有善报”。

(2)

После того как люди узнали о том, что навоз домашней свиньи Лошаня превращается в серебро, распространилось два выражения. Первое: «супруги живут в согласии – свиной навоз превращается в золото»; второе: «руки и ноги заняты работой – свиной навоз превращается в серебро»<sup>42</sup>.

罗山家猪粪变银子的事被人们知道后，就有两句话流传开来。一句是，“夫妻一条心，猪粪变成金”，另一句是：“只要手脚勤，猪粪变成银”。

(3)

Все так и есть: причиняя вред людям, обязательно навредишь и себе, жадность до добра не доведет<sup>43</sup>.

这正是：害人必害己，贪心把命丢。

(4)

Старшая жена пришла к павильону, увидела кровь на земле и только тогда поняла, что Э-цю был съеден тигром. Эта злая жена очень страдала и плакала. Но какой в этом смысл? Сама виновата<sup>44</sup>.

大婆来到亭子上，看到地上的血，这才晓得恶求给老虎吃了。这恶婆娘哭天唤地，其实有什么用呢？还是她自己造的孽。

Последняя формула из перечисленных немного необычная. Сказочник дает оценку действиям матери отрицательного пер-

<sup>41</sup> Чжунго минцзянь гуши цзичэн · Фуцзянь цзяюнь 中国民间故事集成·福建卷 [Сборник китайских народных сказок. Том Фуцзянь] / Сост. Всекитайская ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы» и ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы. Том Фуцзянь». Пекин: Синьхуа шудянь, 1998. С. 550.

<sup>42</sup> Там же. С. 529.

<sup>43</sup> Там же. С. 619.

<sup>44</sup> Там же. С. 546.

сонажа, осуждая ее за неподобающее поведение в начале сказки (зависть, грубость), которое в итоге привело к рождению такого никудышного и злого сына и к его жестокой смерти в конце. Такая концовка также служит морализаторской цели.

Ко второй категории относятся *«послесюжетные» формулы*. К этой большой группе я отношу формулы, в которых сказочник сообщает, что слушатель может столкнуться с последствиями сказки в своей жизни и убедиться в ее правдивости. В этой формуле звучит «руководство к действию». Сказочник говорит об определенных условиях, при которых, если приглядеться или вслушаться, можно столкнуться с героями сказки в том или ином их проявлении.

(1)

После этого Цзинь-цзай жила в лунном дворце и каждый день проводила в компании яшмового зайца. Она и есть та самая Чанъэ<sup>45</sup>, о которой говорят люди. Говорят, каждый год на Праздник середины осени, когда ночь особенно темна, на луну падает пятицветная лента – это лунная дорога. По ней Чанъэ может спуститься к людям, чтобы почтить память любимой мамы и младшего брата. Если кто увидит лунную дорожку, отрежет от нее кусочек и вложит в книгу, тот будет знать все иероглифы из этой книги и станет мудрым и сильным<sup>46</sup>.

后来，金仔就在月宫里住下来，每天与玉兔做伴，她就是人们常说的嫦娥。据说，每年的中秋节晚上，当夜静更深时，月亮上就会落下一条五彩带，这就是月华穗，嫦娥就会来到人间，祭奠亲爱的妈妈和弟弟。谁要是见到了月华穗，剪一段夹在书中，就会认识书上所有的字，人就变得聪明智慧有力气。

(2)

С тех пор Хуан Цзи остался жить на луне, где он безостановочно рубил дерево сал. Сколько бы он ни старался, не мог срубить его полностью, а потому, само собой, не мог вернуться в мир людей. С той поры в Праздник середины осени диск луны полностью круглый, а если люди будут внимательно всматриваться, то увидят, как Хуан Цзи рубит дерево<sup>47</sup>!

---

<sup>45</sup> Персонаж китайской мифологии. Ей посвящен Праздник середины осени, который отмечается на 15-й день 8-го месяца по лунному календарю.

<sup>46</sup> Чжунго минцзянь гуши цзичэн · Фуцзянь цзюань 中国民间故事集成·福建卷 [Сборник китайских народных сказок. Том Фуцзянь] / Сост. Всекитайская ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы» и ред. коллегия «Серии сборников китайской народной литературы. Том Фуцзянь». Пекин: Синьхуа шудянь, 1998. С. 605.

<sup>47</sup> Там же. С. 586.

从此, 黄吉留在了月亮上, 他不停地砍着沙萝树, 只是无论怎个砍也砍不倒, 自然也回不到人间来了。自那以后, 八月十五中秋节夜晚, 天上月光满, 人们仔细去看, 还真的可以看到黄吉在砍树呢!

(3)

Рассказывают люди, будто Вань-шоу отомстил за женщину-карпа, только истории этой я что-то не помню. Одно я вам скажу: черепахи в том заливе перевелись, в чистой прозрачной воде резвятся только большие золотистые карпы<sup>48</sup>.

(4)

С той поры никто больше не видал Вана Черного. Слух прошел, будто он бессмертным сделался. И стали называть пещеру в той каменной стене и саму гору Обителью бессмертных. Из пещеры частенько туман белый выплывает, всю гору укрывает. Если прислушаться хорошенько, слышно, как по горам разносится: дин-дин, дан-дан, дин-дин, дан-дан, вроде бы кто-то камень бьет. Говорят, будто Ван Черный и в пещере не сидит без дела. Оно и правда. Камень, который на той горе добывают, гладкий, блестящий, словно шлифованный.

Куда исчезла Нефритовая фея, никто не знает. Только гора та вся поросла персиковыми деревьями. С той поры самую середку горы, где росло большое персиковое дерево, стали называть садом Нефритовой феи. Как пойдешь от сада Нефритовой феи к пещере, деревья все гуще, все пышнее становятся. Это чтобы Вана Черного солнце не пекло, когда он к фее навещается. Бывает, что туман подолгу над верхушками деревьев плавает, — это значит, Ван Черный с Нефритовой феей повстречались<sup>49</sup>.

Таким образом, о финальных формулах китайских волшебных сказок можно сказать следующее:

1. Формулы, выделенные исходя из их смыслового содержания, могут быть как самодостаточными, так и выступать в качестве составных частей сказочного финала.

2. В китайских сказках преобладают концовки, тесно связанные с их контекстом. Наиболее часто встречаются две разновидности финала: финал, подытоживающий рассказ, сообщающий о том, какая судьба постигла героев (свадьба, благополучная жизнь, наказание), и этиологический финал.

3. Как и инициальные формулы, концовки сказок очень разнообразны и пластичны, содержат минимум устойчивых выражений.

4. В классической волшебной сказке основной функцией финальных формул является перенесение слушателей в мир дей-

<sup>48</sup> Сказки Китая... С. 92.

<sup>49</sup> Там же. С. 144–145.

ствительности. Часто они также содержат в прямой или косвенной форме отрицание достоверности произошедших в сказке событий. Ничего подобного в китайских текстах не было обнаружено. Наоборот, с помощью этиологических и «послесюжетных» формул сказочник еще крепче привязывает сказку к реальному миру и даже говорит о возможности своими глазами или ушами «встретиться» с историей.

5. Можно заметить разную роль рассказчика в классической и китайской волшебной сказке. В первой он традиционно является очевидцем заключительных событий сказки – присутствовал на сказочном пиру и слышал эту историю «из первых рук». В то же время китайский рассказчик особо «не выделяется», не просит для себя «вознаграждения», не рассказывает о том, что был свидетелем сказочных событий. В концовках часто можно встретить такие выражения, как «люди рассказывают», «слух прошел», «слыхал я от людей», «никто не знает [о дальнейшей судьбе героя]» и т. п. Таким образом, сказочник выступает не в качестве очевидца, а транслирует некоторое знание, передающееся народной молвой. «Классический» рассказчик также может поведать слушателям более подробно о том, как он путешествовал и возвращался со сказочного пира, то есть о своем перемещении из сказочного локуса к слушателям. В китайских сказках такого не наблюдалось. Судя по всему, по той причине, что для рассказчика и слушателей сказочный и реальный миры неотделимы друг от друга и представляя-ют одно и то же пространство.

Изучение традиционных формул как важнейших жанровых показателей позволило увидеть, что в отличие от «классической» сказки, устройство которой полностью ориентировано на то, чтобы быть вымышленным повествованием, китайская сказка не стремится активно указывать на неопределенность и недостоверность описываемых в ней событий. Наоборот, приключения персонажей сказки часто приурочиваются к реально существующей местности, знакомой сказочнику и его слушателям. На подчеркивание достоверности сказочных событий также работает подробная детализация характеристики пространства и экспликации героя, этиологические элементы, а также полное отсутствие «формул невозможного». При этом общая для всех сказок модель время – пространство – человек является универсальной и для китайских волшебных сказок.

Таким образом, главная отличительная черта китайского сказочного повествования – это особое отношение к внетекстовой реальности, а именно сильная связь с окружающей, осязаемой действительностью.

## Литература

- Герасимова 1978 – *Герасимова Н.М.* Формулы русской волшебной сказки: К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры // Советская этнография. 1978. № 5. С. 18–28.
- Разумова 1991 – *Разумова И.А.* Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск: Карелия, 1991. 152 с.
- Рошияну 1974 – *Рошияну Н.* Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 216 с.
- Хусаинова 2000 – *Хусаинова Г.Р.* Поэтика башкирских народных волшебных сказок: формулы в сравнительном освещении и сохраняемость сказки во времени. М.: Наука, 2000. 245 с.

## References

- Gerasimova, N.M. (1978), “Formulae in the Russian magic fairytale. On the issue of the stereotype and variation in traditional culture”, *Sovetskaya etnografiya*, no. 5, pp. 18– 28.
- Khusainova, G.R. (2000), *Poetika bashkirskikh narodnykh volshebnykh skazok: Formuly v sravnitel'nom osveshchenii i sohranyaemost' skazki vo vremeni* [Poetics of Bashkir folk fairytales: Formulas in comparative coverage and persistence of the fairy tale in time], Nauka, Moscow, Russia.
- Razumova, I.A. (1991), *Stilisticheskaya obryadnost' russkoi volshebnoi skazki* [Stylistic ceremonialism of the Russian magic fairytale], Petrozavodsk, Kareliya, Russia.
- Roshiyanu, N. (1974), *Traditsionnye formuly skazki* [Traditional formula of fairytale], Nauka, Moscow, Russia.

## Информация об авторе

*Татьяна А. Власова*, независимый исследователь, Москва, Россия; [alohaooe@gmail.com](mailto:alohaooe@gmail.com)

## Information about the author

*Tatiana A. Vlasova*, independent researcher, Moscow, Russia; [alohaooe@gmail.com](mailto:alohaooe@gmail.com)